

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2009 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/102/>). Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2009 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ЗАУРБЕКОВА И ЗАУРБЕКОВА ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба №27183/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Эта версия была изменена 12 марта 2009 года
согласно Правилу 81 Регламента Суда

СТРАСБУРГ

22 января 2009 года

***Вступило в силу
5 июня 2009 года***

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле “ЗАУРБЕКОВА И ЗАУРБЕКОВА против России”
Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в
следующем в составе:

Кристос Розакис, Президент,

Нина Вайич,

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штейнер,

Дин Шпильманн,

Сверре Эрик Йебенс

Джорджио Малинверни, судьи,

и Андре Вампач, и.о. Секретаря Секции,

Заседая 16 декабря 2008 года за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в последний
вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№27183/03) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») двумя гражданами Российской Федерации, Тумишей Магомедовной Заурбековой и Мариам Дашаевной Заурбековой («заявители») 18 июля 2002 года.

2. Заявителей, которые получили оплату расходов на представителей (legal aid), в Европейском Суде представляли юристы "Правовой инициативы по России" (далее - “SRJI”), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации было представлено Г-ном П.Лаптевым и Г-жой В. Милинчук, бывшими представителями Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Заявители жаловались, в частности, что их близкий родственник пропал после задержания и что не было проведено соответствующее расследование этого факта. Они также жаловались на перенесенные душевные страдания в связи с этими событиями. Второй заявитель также жаловался на нарушение его права на собственность в отношении его самого и его родственников. И, наконец, заявители жаловались на отсутствие эффективных средств защиты от названных нарушений. Заявители ссылались на Статьи 2, 3, 5, 8 и 13 Конвенции, а также на статью 1 Протокола №1.

4. 29 августа 2004 года Президент Первой Секции вынес решение о приоритетном рассмотрении дела в соответствии с Правилем 41 Регламента Суда.

5. Решением от 11 октября 2007 года Суд объявил жалобу частично приемлемой.

6. Стороны дали письменные ответы на замечания друг друга (Правило 59 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявители, 1943 и 1975 года рождения соответственно, проживают в городе Урус-Мартан.

A. Факты

8. Первая заявительница имеет двоих детей: Ису Заурбекова, 1967 года рождения, и вторую заявительницу. В рассматриваемый период времени двое последних временно проживали по адресу: проспект Кирова, дом 1, в Грозном, Чечня. Иса Заурбеков работал механиком по автомобилям в местной автомастерской.

1. Задержание Исы Заурбекова

(а) Версия заявителей

9. 11 февраля 2003 года, около 3 часов ночи, группа вооруженных мужчин силой вошла в блок квартир по адресу: проспект Кирова, дом 1, и попыталась взломать дверь квартиры, в которой проживали вторая заявительница и Иса Заурбеков. Им удалось проделать дыру в двери. Затем один из них через эту дыру нацелил снайперскую винтовку (*винторез*) на вторую заявительницу, которая проснулась от шума, и приказал ей впустить их. Как только вторая заявительница открыла дверь, мужчины оттолкнули её, и около пятнадцати из них вошли в квартиру. Они были одеты в камуфляжную униформу, и один из них был в маске. У мужчин были снайперские винтовки с оптическими прицелами и глушителями. Как утверждает вторая заявительница, люди, вторгшиеся в её квартиру, представляли российские федеральные силы, так как они говорили по-русски без акцента, имели славянскую внешность, свободно передвигались по Грозному на военных транспортных средствах в период комендантского часа.

10. Один из мужчин приказал другому убрать вторую заявительницу «с дороги», и тот, кому был адресован приказ, приставил своё ружьё к её рту. Затем он завязал рот второй заявительницы тряпкой и связал ей руки верёвкой.

11. Похитители не представились и не предъявили никаких документов, санкционирующих их действия и обыск квартиры. Они подняли Ису Заурбекова, который спал в своей комнате, с кровати и приказали ему лечь. Они завязали его руки и заклеили его рот скотчем. Затем они приказали брату второй заявительницы предъявить документы, удостоверяющие его личность, на что он сообщил, что его паспорт находится в пиджаке. Один из военнослужащих показал паспорт Исы Заурбекова человеку в маске и спросил, он ли это. Человек в маске отрицательно покачал головой. Тот военнослужащий, который задавал вопрос, сказал, что они «всё равно заберут [Ису Заурбекова] и потом узнают». Хотя на Исе Заурбекове были только трусы и майка, и он был бос, мужчины не дали ему взять верхнюю одежду.

12. Перед тем, как покинуть квартиру, один из мужчин приказал второй заявительнице оставаться без движения в течение получаса, если она «хочет жить». Вместе с тем, тот из них, кто связывал её, тихо сказал ей, что он слегка распустил узел, чтобы она могла легче освободить себя. После того, как мужчины ушли, вторая заявительница смогла развязать свои руки. Затем она вышла на балкон и увидела около 40 военнослужащих на улице. Там также были три бронетранспортёра («БТР»), машина «Жигули» ВАЗ-2106 белого цвета и автомобиль УАЗ. Они уехали в направлении федеральной военной базы в Ханкале. С того дня заявителям ничего не известно об Исе Заурбекове. Вторая заявительница также осмотрела квартиру и выяснила, что исчезли компьютер, несколько дискет и семейный фотоальбом.

13. Описание заявителями событий 11 февраля 2003 года подтверждается показаниям двух очевидцев, г-жой М.-М. и г-жой Д., соседями заявителей. Обе женщины подтвердили, что в ночь инцидента группа из 40 человек в камуфляжной форме и масках, вооруженные автоматами забрали Ису Заурбекова. Г-жа М.-М. также показала, что видела военную технику, а г-жа Д. сообщила, что слышала шум машин.

(b) Версия Правительства

14. Правительство в своих замечаниях указало, что 11 февраля 2003 года около 3 часов ночи «неустановленные люди в камуфляжной форме, вооруженные автоматическим оружием» увели Ису Заурбекова в неизвестном направлении из квартиры №49 в блоке квартир по улице Кирова, дом 1. Эти же лица «совершили кражу» имущества

Заурбековых, в том числе компьютер, компакт-диски и семейный фотоальбом.

2. Поиски заявителями Исы Заурбекова

15. По сведениям заявителей, 12 февраля 2003 года они подали письменную жалобу военному прокурору Ханкалы в связи с задержанием их родственника, но не получили никакого ответа. Копия данной жалобы заявителями в Суд представлена не была. Согласно объяснениям второй заявительницы, только спустя три месяца следователи посетили блок квартир по адресу: проспект Кирова, дом 1, и допросили её соседей.

16. Вслед за задержанием Исы Заурбекова, заявители неоднократно лично и в письменном виде обращались в различные органы власти, включая прокуроров различных уровней, административные власти Чечни, Администрацию Президента РФ, Председателя Государственной Думы и Полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе. В их усилиях им оказывала поддержку организация SRJI. В своих письмах властям заявители и SRJI ссылались на события 11 февраля 2003 года и просили содействия, а также сообщения информации о ходе расследования. Большинство из этих запросов осталось без ответа, либо были даны лишь формальные отписки, указывающие, что запросы заявителей были направлены для изучения в различные органы прокуратуры.

3. Официальное расследование исчезновения Исы Заурбекова

17. В своих замечаниях до вынесения решения о приемлемости жалобы, Правительство сообщало, что заявители впервые уведомили власти о задержании их родственника 14 апреля 2003 года, когда жалоба второй заявительницы о событиях 11 февраля 2003 года была получена прокуратурой города Грозного. Согласно объяснениям Правительства, прокуратура Грозного направила эту жалобу «для проверки» в Ленинский отдел внутренних дел города Грозного, который направил материалы по результатам проверки в прокуратуру города Грозного 23 мая 2003 года. 17 июня 2003 года прокуратурой города Грозного было возбуждено уголовное дело по факту исчезновения Исы Заурбекова по ч.2 статьи 126 Уголовного кодекса Российской Федерации (похищение человека при отягчающих обстоятельствах). Делу был присвоен номер 20123.

18. В своих замечаниях после вынесения решения о приемлемости жалобы, Правительство сообщило, что уголовное дело по факту похищения родственника заявителей было возбуждено по письменному ходатайству второй заявительницы, направленной в прокуратуру

Грозного 19 июня 2003 года. Правительство не указало, в какую именно дату было возбуждено уголовное дело.

19. В материалах данной жалобы содержится письменное ходатайство в связи с похищением Исы Заурбекова, подписанное второй заявительницей и датированное 9 марта 2003 года. На документе стоит отметка о получении «получила» и дата «14 апреля 2003 года».

20. Письмами от 25 и 30 июня 2003 года прокуратура Чеченской Республики («республиканская прокуратура») уведомила первую заявительницу, что в связи с похищением ее сына неустановленными лицами было возбуждено уголовное дело и что она будет уведомлена о результатах расследования.

21. Письмом от 23 июля 2003 года военный прокурор Объединенной группы войск передал обращение первой заявительницы для рассмотрения военному прокурору войсковой части №20102.

22. 31 июля 2003 года заместитель Генерального прокурора РФ сообщил первой заявительнице, что он направил её запрос об установлении местонахождения её сына, который был задержан «лицами, одетыми в военную форму», в республиканскую прокуратуру, которая уведомит её о любом движении по делу.

23. Постановлением от 11 августа 2003 года следователь прокуратуры Ленинского района города Грозного («районная прокуратура») признал первую заявительницу потерпевшей по уголовному делу №20123.

24. Письмом от 25 августа 2003 года республиканская прокуратура вновь уведомила первую заявительницу о том, что в связи с похищением Исы Заурбекова было возбуждено уголовное дело №20123, и что срок предварительного расследования был продлен до 17 сентября 2003 года. Письмо продолжалось указанием на то, что осуществляются следственные действия для установления предполагаемых виновных лиц и что республиканская прокуратура тщательно надзирает за расследованием.

25. 25 сентября 2003 года, в ответ на обращение второй заявительницы от 15 марта 2003 года, прокуратура города Грозного уведомила её о том, что предварительное расследование по уголовному делу №20153, возбужденному 17 июня 2003 года в связи с исчезновением ее брата, было приостановлено в связи с «неустановлением виновных лиц», вместе с тем, «поиск Исы Заурбекова прекращен не был».

26. 29 октября 2003 года, в ответ на обращение SRJI, поданное от имени заявителей, республиканская прокуратура сообщила, что уголовное разбирательство по делу №48193 (ранее - 20123), возбужденному 17 июня 2003 года в связи с похищением Исы

Заурбекова неизвестными лицами, было приостановлено 17 сентября 2003 года, так как предполагаемые виновные лица не могли быть установлены. SRJI и заявителям было предложено направлять их дальнейшие запросы в районную прокуратуру.

27. Письмом от 2 декабря 2003 года, в ответ на другой запрос SRJI, республиканская прокуратура только указала вновь, что уголовное дело по факту похищения Исы Заурбекова было возбуждено 17 июня 2003 года.

28. 11 декабря 2003 года районная прокуратура сообщила первой заявительнице, что в ходе расследования уголовного дела №20123 были приняты все необходимые следственные меры, но местонахождение её сына установить не удалось, в настоящее время розыск Исы Заурбекова всё ещё продолжается.

29. 11 апреля 2005 года республиканская прокуратура сообщила первой заявительнице в ответ на её запрос от 25 февраля 2005 года, что материалы дела относительно похищения её сына были направлены в районную прокуратуру «для возобновления расследования».

30. Постановлением от 14 апреля 2005 года районная прокуратура признала вторую заявительницу потерпевшей. Заявители представили копию этого постановления.

31. В тот же день районная прокуратура сообщила первой заявительнице, что производство по делу №20123 было возобновлено.

32. 15 апреля 2005 года ведущий дело следователь районной прокуратуры направил поручения прокурорам соседних с Чечнёй регионов, а также прокурорам различных районов Чечни, с описанием внешности и отличительных черт Исы Заурбекова и просьбой проверить, есть ли он среди неопознанных тел и возбуждались ли уголовные дела в связи с обнаружением трупов, имеющих отличительные знаки и внешность, сходные с внешностью Исы Заурбекова.

33. 5 мая 2005 года ведущий дело следователь направил напоминание в районные прокуратуры Чечни, прося их выполнить поручение от 15 апреля 2005 года, которое осталось без ответа.

34. 14 мая 2005 года районная прокуратура уведомила первую заявительницу о приостановлении расследования в неопределенную дату. В письме также указывалось, что были приняты меры, направленные на установление личности предполагаемых лиц, совершивших преступление.

35. Письмом от 10 июня 2005 года республиканская прокуратура направила запрос первой заявительницы для изучения в районную прокуратуру.

36. 13 июля 2005 года Урус-Мартановский отдел внутренних дел сообщил первой заявительнице, что им предпринимаются меры,

направленные на установление местонахождения Исы Заурбекова и лиц, участвовавших в его похищении.

37. 11 августа 2005 года районная прокуратура ответила на запрос первой заявительницы от 2 августа 2005 года. В письме указывалось, что в связи с похищением её сына 17 июня 2003 года было возбуждено уголовное дело №20123 и, хотя были предприняты все возможные меры, местонахождение Исы Заурбекова и личности предполагаемых преступников установлены не были. Также сообщалось, что был допрошен ряд свидетелей, проживающих в том же блоке квартир, где проживали Иса Заурбеков и вторая заявительница, и соответствующие запросы были направлены в различные государственные органы в Чечне и соседних регионах; вместе с тем, эти шаги не дали никаких положительных результатов. Письмо заверяло первую заявительницу в том, что поиск её сына продолжается, а также указывалось, что она может ознакомиться с материалами уголовного дела №20123 в любой момент в течение рабочего времени в помещении районной прокуратуры.

38. Письмом от 18 августа 2005 года республиканская прокуратура сообщила заявителям, что расследование по уголовному делу №20123 было возобновлено.

39. По-видимому, в определенный момент времени расследование было вновь приостановлено.

40. Письмом от 28 ноября 2005 года районная прокуратура уведомила заявителей о том, что расследование по делу №20123 было возобновлено в тот же день.

41. 28 декабря 2005 года районная прокуратура сообщила заявительнице о приостановлении производства по делу №20123 в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых.

42. Ссылаясь на информацию, предоставленную Генеральной прокуратурой, Правительство сообщило в своих меморандумах до вынесения решения о приемлемости, что расследование похищения Исы Заурбекова было начато 17 июня 2003 года, затем приостанавливалось 17 сентября 2003 года, 14 мая и 17 сентября 2005 года, возобновлялось 14 апреля, 17 августа и 28 ноября 2005 года, но расследованием не были на данный момент установлены виновные лица. В меморандуме после вынесения решения о приемлемости жалобы Правительство утверждало, что в последний раз следствие приостанавливалось 28 декабря 2005 года и затем было возобновлено 10 ноября 2007 года.

43. Согласно объяснениям Правительства, 10 августа и 15 сентября 2003 года и 14 апреля 2005 года следственные органы допросили вторую заявительницу, статус потерпевшей был предоставлен второй заявительнице 4 сентября 2003 года. В ходе допроса она повторила

свою версию событий 11 февраля 2003 года. В частности, она показала, что мужчины, которые увели ее брата, были в камуфляжной форме и масках, имели автоматы, портативные рации, что в дом вошли примерно 15 человек, а с балкона она видела, как бронетранспортеры, автомобили УАЗ и белую машину ВАЗ 2106 «Жигули» уехали в сторону бго микрорайона города Грозный. Эти мужчины изъяли компьютер, мышку от компьютера, десять компакт-дисков и семейный фотоальбом. Согласно Правительству, в интервью 15 сентября 2003 года вторая заявительница указала, что причиной похищения ее брата Исы Заурбекова мог быть тот факт, что их другой брат Х. был членом незаконных вооруженных формирований. Во время интервью 14 апреля 2005 года вторая заявительница описала особые приметы Исы Заурбекова и одежду, в которой его забрали в ночь похищения, она также заявила, что стоимость компьютера составляла 20 тысяч российский рублей.

44. Следователи также допросили первую заявительницу 11 августа и 19 сентября 2003 года и предоставили ей статус потерпевшей 11 августа 2003 года. Она заявила, что вторая заявительница сообщила ей рано утром 12 февраля 2003 года о задержании Исы Заурбекова и что на следующий день она уведомила все соответствующие государственные органы, но местонахождение её сына не было установлено.

45. Помимо заявителей, властями были также допрошены родственники заявителей и некоторые соседи второй заявительницы. Большинство из них заявили, что они не видели похищения Исы Заурбекова, в то время как один из соседей сообщил, что в день инцидента он видел около десяти вооруженных мужчин в камуфляжной форме и масках рядом с блоком квартир, в котором проживали он, вторая заявительница и Иса Заурбеков, но он не видел никаких военных транспортных средств. Другой сосед, г-н Х, указал, что в ночь похищения около 3 часов он видел вооруженных людей в масках и камуфляжной форме на своем балконе, по которому они взбирались на верхний этаж, также он слышал шум военной техники, но не вполне отчетливо, так как у него плохой слух. Согласно Правительству, г-жа М-М. показала, что 12 февраля 2003 года она слышала от соседей, что Иса Заурбеков был уведен ночью вооруженными людьми в камуфляжной форме, говорившими по-русски. Информации о том, были ли допрошены какие-либо еще свидетели, нет.

46. Правительство также заявило, что следственными органами направлялся ряд запросов в центры содержания под стражей в Чечне и других регионах Северного Кавказа, региональные и федеральные службы безопасности и органы военного управления. Правоохранительные органы предоставили информацию о том, что

никакая спецоперация не проводилась 11 февраля 2003 года, что в отношении Исы Заурбекова не возбуждалось уголовное дело и не применялись специальные меры, он не был арестован либо задержан каким-либо из них, его имя не содержится в списках задержанных какого-либо центра содержания под стражей. Правительство не указало, когда именно эти запросы были направлены.

47. Согласно Правительству, 14 апреля 2005 года уголовное дело было возбуждено по Статье 162 (3) УК РФ (похищение) по факту похищения Исы Заурбекова и хищения имущества второй заявительницы. Делу был присвоен номер 40057. В этот же день вторая заявительница была признана потерпевшей по делу. 15 апреля 2005 года дела №20123 и №40057 были объединены в одного производство.

4. Доступ заявителей к материалам дела

48. Согласно объяснениям заявителей, после получения письма от 11 августа 2005 года они неоднократно пытались получить доступ к материалам уголовного расследования по факту похищения Исы Заурбекова и несколько раз посещали районную прокуратуру. Как они указывают, однажды им было отказано в доступе к материалам дела, так как отсутствовал ведущий дело следователь, в другой раз им не удалось прочитать материалы дела, так как они были высланы в республиканскую прокуратуру.

49. 20 декабря 2005 года вторая заявительница вновь посетила районную прокуратуру, и ей были выданы копии нескольких документов из дела, в том числе два поручения от 15 апреля 2005 года прокурорам регионов, соседних с Чечнёй, а также прокурорам различных районов Чечни, описывающие внешность и отличительные черты Исы Заурбекова и содержащие просьбу проверить, имеется ли он среди неопознанных тел и возбуждались ли уголовные дела в связи с обнаружением трупов, имеющих такую же внешность и черты, а также напоминание от 5 мая 2005 года об осуществлении мер, указанных в поручениях от 15 апреля 2005 года. Как указывает вторая заявительница, ведущий дело следователь заявил, что он не может предоставить ей доступ к каким-либо иным материалам.

50. 8 февраля 2006 года первая заявительница и представитель SRJI посетили районную прокуратуру, и им был предоставлен доступ к материалам дела. Им не было разрешено снять копии либо сделать письменные записи, но первой заявительнице удалось запомнить содержание ряда документов.

51. В частности, при изучении материалов дела первая заявительница обнаружила информацию о том, что предварительным расследованием было установлено, что Иса Заурбеков был уведен около 3:00 утра 11 февраля 2003 года группой вооруженных

военнослужащих российских правоохранительных органов. Той же группой военнослужащих около 3:30 утра в тот же день в соседнем районе Грозного были уведены двое других мужчин, отец и сын Ш., а также была предпринята попытка увести еще одного человека, который, однако, отсутствовал дома в тот момент времени.

52. Первая заявительница прочитала свидетельские показания, данные г-ном Ш., родственником отца и сына Ш., исчезнувших 11 февраля 2003 года, датированные 23 августа 2005 года о том, что 11 февраля 2003 года вооруженные люди в четырех бронетранспортерах и двух автомобилях УАЗ увели отца и сына Ш. Г-н Ш. также заявил, что 18 февраля 2003 года он и следователь Грозненской прокуратуры посетили близлежащий федеральный контрольно-пропускной пункт и узнали, что 11 февраля 2003 года около 3:00 утра федеральный военный конвой проехал через этот контрольно-пропускной пункт в направлении районов, где были захвачены Иса Заурбеков и Ш. Конвой, вернувшийся через час, состоял из четырёх бронетранспортёров и двух автомобилей УАЗ.

53. Правительство, которому было предложено прокомментировать эти показания первой заявительницы, ответило, что, версия причастности федеральных военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов к похищению Исы Заурбекова в ходе расследования, но она не подтвердилась. Правительство отказалось представить протокол допроса свидетеля г-на Ш., несмотря на специальный запрос Суда, и утверждало, что в ходе допроса г-н Ш. показал, что слышал от своего брата, что 12 февраля 2003 года отец и сын Ш. были задержаны в своих домах в селе рядом с Грозным группой из 40 военнослужащих на 4х бронетранспортёрах и двух машинах УАЗ. Г-н Ш. также сообщил, что дежурные офицеры на близлежащем блокпосте подтвердили, что военный конвой проехал в сторону того села, из которого забрали двух названных мужчин из семьи Ш., и затем вернулся назад в сторону Грозного. По мнению Правительства, нет никакой связи между похищениями Исы Заурбекова и отца и сына Ш., и что не подавались никакие жалобы относительно похищения этих мужчин.

54. Первая заявительница видела свидетельские показания какого-то г-на Х. о том, что он слышал звук тяжёлого военного транспортного средства в ночь, когда был задержан Иса Заурбеков, а также показания г-на и г-жи Ид., соседей второй заявительницы, о том, что в ночь инцидента они спали и узнали о задержании Исы Заурбекова на следующий день.

55. Согласно объяснениям первой заявительницы, в материалах дела не было документов, содержащих государственную тайну.

В. Запросы суда материалов уголовного дела

56. Несмотря на специальные запросы, дважды сделанные Судом, Правительство не предоставило Суду копии каких-либо документов из материалов уголовного дела. Им был представлен лишь перечень документов, приобщенных к материалам уголовного дела №20123, из которого следует, что в деле имеется, по крайней мере, 229 страниц. Ссылаясь на информацию, полученную из Генеральной прокуратуры, Правительство заявило, что расследование продолжается, и раскрытие документов будет представлять собой нарушение статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса, так как дело содержит информацию военного характера и персональные данные свидетелей. В то же время Правительство предложило, чтобы делегация Суда ознакомилась с материалами дела по месту осуществления предварительного расследования, за исключением «данных документов [раскрывающих военную информацию и персональные данные свидетелей] и без права делать копии материалов дела и передавать их другим лицам».

57. 11 октября 200г года жалоба была признана частично приемлемой. На этой стадии Суд вновь запросил у Правительства материалы уголовного дела и информацию о ходе расследования после декабря 2005 года. Суд специально запросил у Правительства свидетельские показания г-на Ш. от 23 августа 2005 года (см. пункт 52 выше) и другие свидетельские показания относительно событий 11 февраля 2003 года. В ответ, Правительство отказалось представить какие-либо документы из материалов уголовного дела и сообщило Суду даты, когда в последний раз было приостановлено и возобновлено расследование (см. выше пункт 42).

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

58. Обзор соответствующего национального законодательства см. в деле *Kukayev v. Russia*, no. 29361/02, §§ 67-69, 15 November 2007.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

А. Доводы сторон

59. Правительство утверждало, что жалобу следует признать неприемлемой из-за не исчерпания внутригосударственных средств.

Оно утверждало, что расследование по делу исчезновения родственника заявителей еще не окончено. Оно также утверждало, что, что заявители могли предъявить в суд жалобу на действия или бездействия следственных или других правоохранительных органов по Статье 125 УПК РФ, однако они не воспользовались этим правом.

60. Заявители оспорили это возражение, так как факт расследования обстоятельств исчезновения из родственника столь длительное время ставит под сомнение его эффективность. Они также подчеркнули, что много раз обращались с жалобами на события 11 февраля 2003 года в правоохранительные органы, в том числе прокуратуры. В этой связи они сослались на практику Суда. Заявители также утверждали, что административная практика, состоящая в продолжающейся неспособности властей осуществлять адекватные расследования правонарушений, совершенных представителями федеральных сил в Чечне, сделала все потенциально эффективные средства правовой защиты неадекватными и иллюзорными в данном случае. В связи с этим они ссылались на жалобы, поданные в Суд другими лицами, считающими себя жертвами подобных нарушений, а также на документы Совета Европы, доклады НПО и СМИ.

61. Суд отмечает, что в решении от 11 октября 2007 года, он не принял никакого решения относительно исчерпания внутригосударственных средств защиты, сочтя этот вопрос тесно связанным с существом дела. Далее Суд приведет свою оценку аргументов сторон в свете положений Конвенции и соответствующей практики.

62. Суд напоминает о том, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты согласно Статье 35 § 1 Конвенции налагает на заявителей обязанность вначале использовать средства правовой защиты, которые обычно доступны и достаточны в рамках национальной правовой системы для восстановления нарушенных прав. Наличие таких средств правовой защиты должно быть в достаточной степени установленным как в теории, так и на практике - в противном случае данные средства не являются доступными и эффективными. Однако заявитель не обязан прибегать к средству правовой защиты, которое неадекватно или неэффективно. Правительство, утверждающее, что внутригосударственные средства правовой защиты не были исчерпаны, обязано указать Суду с определённой точностью те средства правовой защиты, к которым не обратились заявители, и объяснить Суду, что они являлись в соответствующий период времени эффективными и доступными, как в теории, так и на практике, то есть, что имелась возможность обратиться к ним, они могли предоставить возмещение в отношении жалоб заявителя и что имелись разумные перспективы успеха. (см. *Aksoy v. Turkey* judgment of 18 December 1996, *Reports of Judgments and*

Decisions 1996-VI, pp. 2275-76, §§ 51-52, и *Akdivar and Others v. Turkey*, judgment of 16 September 1996, *Reports* 1996-IV, p. 1210, §§ 65-67).

63. В настоящем деле, относительно аргумента Правительство о том, что расследование еще не было закончено и что заявители не обжаловали действия или бездействия следственных или иных правоохранительных органов в суде по Статье 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ, Суд в первую очередь отмечает, что Правительство не указало, какие именно действия или бездействия следователей заявители должны были обжаловать в суде. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства вызывает сомнения, непосредственно связанные с вопросом об эффективности расследования, а потому Суд считает уместным обратиться к нему в рамках рассмотрения по существу жалоб заявителей на нарушение Статьи 2 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

64. Заявители жаловались на нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с тем, что их родственник исчез после задержания российскими военными, а государственные органы не провели эффективного расследования данного дела. Статья 2 гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (a) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- (c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

A. Предполагаемое нарушение права на жизнь

65. Заявители подчеркнули, что вне разумных сомнений Иса Заурбеков был задержан представителями федеральных сил, что подтвердили два свидетеля, чьи показания предъявлены Суду, а также показаниями г-на Ш., содержащимися в материалах уголовного дела №20123. Они также указали на то, что следствием был установлен тот факт, что вооруженные люди, задержавшие Ису Заурбекова, использовали бронетранспортеры, и что такая военная техника находится в исключительном владении федеральных сил. Заявители подчеркнули, что их родственник был задержан при угрожающих

жизни обстоятельствах, и факт его отсутствия в течение трех лет, а также, отказ Правительства представить убедительные объяснения относительно его судьбы, означают, что он был убит. Заявители также утверждали, что спецоперация, проводимая в указанные даты, не было должным образом спланирована и контролируется властями, и таким образом не были обеспечены гарантии по Статье 2 Конвенции.

66. Правительство, ссылаясь на данные Генеральной прокуратуры, утверждало, что органами следствия не было получено данных о том, что Иса Заурбеков был мертв, или, что к похищению или предположительному убийству были причастны представители федеральных силовых структур. Оно категорически сомневалось в достоверности показаний г-жи М.-М., представленных заявителями (см. пункт 13 выше), указывая на то, что эта информация противоречит показаниям, данным г-жой М.-М. Следственным органам в ходе ее допроса (см. пункт 45 выше). Правительство заявило, что до тех пор, пока обстоятельства похищения Исы Заурбекова не установлены лица, совершившие преступление, нет оснований заявлять о нарушении Государством права на жизнь по Статье 2 Конвенции.

2. Оценка Суда

67. В свете значения защиты, предоставляемой статьей 2, Суд должен подвергнуть факт лишения жизни наиболее тщательному изучению, принимая во внимание не только действия представителей государства, но и все сопутствующие обстоятельства. Следовательно, когда лицо помещено под стражу в хорошем состоянии здоровья и при его освобождении установлено, что у него имеются повреждения, то для государства обязательным является предоставление приемлемого объяснения тому, каким образом данные повреждения были получены. Обязанность властей отчитаться за обращение с задержанным носит особо строгий характер, если лицо умирает или исчезает после задержания (см., среди прочего *Orhan v. Turkey*, по. 25656/94, § 326, 18 June 2002). Там, где рассматриваемые события целиком или в большей мере, находятся в исключительном ведении властей, как в случае с лицами находящимися под их контролем при содержании под стражей, возникают серьезные предположения о фактических обстоятельствах, имевших место в связи с повреждениями и смертью, происшедшими во время нахождения под стражей. Таким образом, можно считать, что бремя доказывания и обеспечение удовлетворительных и убедительных объяснений лежит на властях (см. *Salman v. Turkey* [GC], по. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII, и *Çakıcı v. Turkey* [GC], по. 23657/94, § 85, ECHR 1999-IV).

68. В настоящем деле Суд отмечает, что Правительство отрицало, что ответственность Государства за задержание и исчезновение родственника заявителей, но оно признало конкретные факты,

лежащие в основе версии заявителей. В частности, общей позицией между сторонами является то, Иса Заурбеков был задержан из дома ночью 11 февраля 2003 года мужчинами в камуфляжной форме, вооруженными автоматическим оружием. Не установлено, были ли эти вооруженные люди представителями федеральных сил.

69. Суд обращает внимание на тот факт, что, несмотря на его неоднократные запросы, копии дела о похищении Исы Заурбекова, Правительство ему не предоставило, ссылаясь на Статью 161 УПК. Суд указывает на то, что в ходе предыдущих дел он уже признал данное объяснение неудовлетворительным в качестве оправдания отказа в предоставлении ключевой информации, затребованной Судом (см. *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 123, ECHR 2006-...). Исходя из этого и принимая во внимание указанные выше принципы, Суд считает, что может сделать соответствующие выводы из поведения Правительства в данном случае.

70. Он также заключает, что заявители представили убедительную и связную картину похищения их родственника 11 февраля 2003 года. Вторая заявительница была свидетелем событий, и ее показания подтверждены свидетельскими заявлениями двух соседей, г-жи Д. И г-жи М.-М. (см. пункт 13 выше). В отношении последней Суд отклоняет аргумент Правительства, в котором оно сослалось на достоверность показаний г-жи М.-М., предположительно противоречащих ее устным заявлениям, данным следственным органам. Суд отмечает, что заявители представили копии показания г-жи М.-М., в то время как Правительство отказалось представить протокол ее допроса, о котором оно упоминало. Суд далее отмечает, что заявители утверждали, что похитители вели себя так, как обычно ведут себя военные в ходе спецоперации. А именно: они прибыли ночью большой группой на военной технике, проверили паспорта у мужчин, живущих в квартире, и обыскали квартиру. Вошедшие говорили на русском языке без акцента и имели славянскую внешность. По мнению Суда, тот факт, что большая группа вооруженных людей в военной форме на транспортных средствах военного назначения, свободно перемещалась через контрольно-пропускные посты, задержала человека из его дома в городской зоне, решительно поддерживает предположение заявителей о том, что эти люди были военнослужащими федеральных сил.

71. Суд считает, что в случае, когда заявителями предоставлены доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, а отсутствие необходимых документов мешает Суду дать фактическое заключение, Правительство должно убедительно аргументировать, почему документы, о которых идет речь, не могут служить подтверждением заявлений, сделанных заявительницами, или предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение того, как происходили указанные события. Бремя доказывания, таким

образом, переходит к Правительству, и если оно не сможет предоставить убедительные аргументы, возникают вопросы в соответствии со Статьей 2 и/или Статьей 3 (см. *Toğcu v. Turkey*, no. 27601/95, § 95, 31 мая 2005, и *Akkum and Others v. Turkey*, no. 21894/93, § 211, ECHR 2005-II).

72. Принимая во внимание вышеупомянутые элементы, Суд удовлетворен, что заявители представили доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, что их родственник был задержан Государственными военными служащими. Заявление Правительства, что следствие не обнаружило каких бы то ни было доказательств участия в похищении войск специального назначения, является недостаточным для того, чтобы освободить Правительство от вышеупомянутого бремени доказывания. Суд также сомневается в утверждении Правительства о возможном участии Исы Заурбекова в незаконных бандформированиях, так как это утверждение не подтверждено никакими документами. Делая выводы из отказа Правительства представить документы, находящиеся в его исключительном владении, или предоставить иное правдоподобное объяснение событий, о которых идет речь, Суд полагает, что Иса Заурбеков был задержан 11 февраля 2003 года военными служащими Государства.

73. Суд далее отмечает, что о родственнике заявителей нет никаких известий со времени его похищения. Его фамилия не была указана ни в этом из официальных журналов учета задержанных. Внутренним расследованием по факту исчезновения Исы Заурбекова, которое длится несколько лет, не сделаны никакие существенные выводы о его судьбе. Правительство не предоставило никаких разумных объяснений того, что с ним могло случиться после этого дня.

74. Принимая во внимание рассмотренные ранее дела об исчезновении людей в Чечне (см., например, *Imakayeva*, цит. выше, и *Luluyev and Others v. Russia*, no. 69480/01, ECHR 2006-...), Суд считает, что в контексте конфликта в Чеченской Республике, ситуацию, когда кого-то задерживают неуставленные военными служащие, а затем факт задержания не признается, можно рассматривать как угрожающую жизни. Отсутствие Исы Заурбекова или каких-либо известий о нем в течение более пяти лет подтверждает это предположение. По вышеозначенным причинам и принимая во внимание обстоятельства дела, в особенности такой значительный промежуток времени с того дня, когда Иса Заурбеков пропал, Суд считает не вызывающим сомнений на разумных основаниях тот факт, что его следует считать умершим и что смерть наступила после не признаваемого властями задержания агентами государства.

75. В отсутствие какого-либо объяснения со стороны Государства применения относительно обстоятельства смерти Исы Заурбекова, Суд делает вывод, что родственника заявителей следует считать умершим

после его безвестного задержания и что ответственность за его смерть несет Государство.

76. Следовательно, имеет место нарушение статьи 2 § Конвенции в этой связи.

В. Предполагаемая неадекватность расследования обстоятельств похищения

1. Доводы сторон

77. Заявители утверждали, что расследование данного дела не соответствовало стандартам Статьи 2 Конвенции. Они сообщили, что следствие было возбуждено несвоевременно, что оно неоднократно приостанавливалось и возобновлялось, и что власти не предпринимали никаких шагов для того, чтобы проверить возможность причастности федеральных сил к похищению Исы Заурбекова. Кроме того, задерживалось исполнение основных этапов следственных действий, таких как допрос военнослужащих на блокпосте, расположенном рядом с блоком квартир, где проживали вторая заявительница и Иса Заурбеков. Заявители также утверждали, что у них не было возможности участвовать в расследовании.

78. Правительство утверждало, что расследование исчезновения родственника заявителей соответствовало требованиям Конвенции об эффективности расследования, равно как и были предприняты все предусмотренные национальным законодательством меры для установления исполнителей преступления.

2. Оценка Суда

79. Суд напоминает, что обязанность защищать право на жизнь по Статье 2 Конвенции находится во взаимосвязи с общей обязанностью государства по Статье 1 Конвенции «обеспечива[ть] каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции», также требует проведения какой-либо формы эффективного официального расследования в случае гибели людей в результате применения силы, в частности агентами государства. Расследование должно быть эффективным в смысле, что оно должно привести к установлению и наказанию виновных в преступлении (см. *Oğur v. Turkey* [GC], no. 21594/93, § 88, ECHR 1999-III). В этом контексте необходимо отметить обязательное наличие четкого требования о своевременности и разумных сроках проведения расследования (см. *Yaşa v. Turkey*, указанное выше, § 102-104; и *Mahmut Kaya v. Turkey*, no. 22535/93, ECHR 2000-III, §§ 106-107). Следует признать возможность возникновения препятствий или трудностей, мешающих проведению расследования в конкретной

ситуации. Однако незамедлительное реагирование властей путем расследования случаев применения силы, повлекшей лишение жизни, можно считать в целом необходимым для поддержания в обществе веры в верховенство закона и во избежание впечатления пособничества противоправным действиям или терпимого отношения к ним. По тем же причинам для обеспечения подотчетности не только в теории, но и на практике необходим элемент адекватного общественного контроля над ходом следствия и его результатами. Требуемая степень общественного контроля может быть разной в различных случаях. Однако во всех случаях ближайший родственник жертвы должен участвовать в процессуальных действиях в такой степени, в какой это необходимо для обеспечения его (ее) законных интересов (см. *Shanaghan v. the United Kingdom*, no. 37715/97, §§ 91-92, 4 мая 2001 г.).

80. В настоящем случае Суд отмечает, что в некотором объеме расследование исчезновения родственника заявителей проведено было. Суд должен оценить, соответствовало ли это расследование требованиям Статьи 2 Конвенции. Суд отмечает в этой связи, что данных о расследовании очень мало, так как Правительство отказалось предоставить материалы уголовного дела и ответить на конкретные вопросы Суда (см. п. 39-41 выше). Делая выводы из поведения Правительства при установлении фактов (см. *Ireland v. the United Kingdom*, постановление от 18 января 1978 года, Серия А, пп.64-65, § 161), Суд будет оценивать существо жалобы на основании имеющихся у него сведений.

81. Суд, во-первых, отмечает все очевидные несоответствия в замечаниях Правительства относительно даты, когда заявители уведомили власти о похищении их родственника. В частности, в меморандуме до вынесения решения о приемлемости Правительство указало, что вторая заявительница подала письменную жалобу в прокуратуру Грозного 14 апреля 2003 года, и уголовное дело было возбуждено 17 июня 2003 года, в то время как после вынесения решения о приемлемости Правительство утверждало, что вторая заявительница написала жалобу в прокуратуру Грозного 19 июня 2003 года, после чего было начато уголовное расследование. В последнем случае, оно не разъяснило дату возбуждения уголовного дела. Суд отмечает в этой связи, что противоречащие отчеты Правительства подрывают достоверность этих фактов.

82. Обращаясь к документам, имеющимся на рассмотрении у Суда, а именно: к жалобе второй заявительницы в прокуратуру Грозного, на которой есть отметка о «принятии» и дата «14 апреля 2003 года» (см. пункт 19 выше) и к нескольким письмам от властей, подтверждающих, что расследование по факту исчезновения Исы Заурбекова было возбуждено 17 июня 2003 года (см. пункты 25-27 и 37 выше) — Суд,

таким образом, считает, что именно 14 апреля 2003 года вторая заявительница уведомила власти о произошедшем 11 февраля 2003 года, и уголовное дело по данному факту было возбуждено 17 июня 2003 год, т.е. спустя два месяца после того, как власти были осведомлены о похищении Исы Заурбекова. Правительство не предоставило никаких объяснений такой задержки в ситуации, когда необходимы немедленные действия.

83. Более того, остается не ясным, почему после возбуждения расследование не проводилось должным образом. В частности, непонятно и Правительство не представило достоверные данные или документы о том, какие следственные мероприятия были проведены в первые недели или месяцы после того, как властям сообщили об инциденте 11 февраля 2003 года. Хотя следствие было возбуждено 17 июня 2003 года, власти не допросили свидетелей до августа или сентября 2003 года, когда, согласно Правительству, они допросили заявителей и двух соседей второй заявительницы (см. пункты 44-45 выше). Кроме того, несколько других соседей второй заявительниц, которые были очевидцами указанных событий, не были допрошены до 2005 года. Также, очевидно, и запросы относительно Исы Заурбекова были направлены в правоохранительные органы только в апреле 2005 года (см. пункт 32 выше). К тому же, не ясно, было ли рассмотрено место происшествия или какие именно меры были предприняты для того, чтобы найти других очевидцев, в частности, допросить военнослужащих близлежащего блокпоста, как просили заявители, или установить части федеральных сил или спецслужб, которые располагались на территории, где жили вторая заявительница и ее брат.

84. Суд также отмечает промедление с признанием потерпевшими заявителей. В то время как уголовное дело было возбуждено 17 июня 2003 года, заявители, согласно Правительству, были признаны потерпевшими 11 августа и 4 сентября 2003 года. Более того, очевидно, до августа 2005 года, когда заявители получили письмо из районной прокуратуры с описанием мероприятий, проведенных в ходе следствия (см. пункт 37 выше), заявители не были информированы должным образом о расследовании, кроме нескольких уведомлений о приостановлении и возобновлении. Как можно понять из замечаний заявителей, которые не оспаривались Правительством, они не имели доступа к материалам уголовного дела до февраля 2006 года (см. выше пункт 48-50).

85. В заключение, Суд отмечает, что следствие велось с июня по сентябрь 2003 года, когда было приостановлено на один год и семь месяцев и не велось до апреля 2005 года. После чего следствие велось до декабря 2005 года и было вновь приостановлено на период более двух лет до ноября 2007 года. Правительство не представило

объяснений таких длительных периодов бездействия. Между июнем 2003 года и ноябрем 2007 года расследование приостанавливалось и возобновлялось, по крайней мере, четыре раза.

86. Суд отмечает, ссылаясь на довод Правительства относительно того, что заявители якобы не обжаловали в суде действия или бездействие следователей, как это предусмотрено статьей 125 УПК РФ, что в отсутствие какой-либо информации о результатах расследования против должностных лиц, возбужденного заявителями, Суд считает, что в ситуации, когда следствие неоднократно приостанавливают и возобновляют, когда заявителям не дали возможности ознакомиться с материалами дела до февраля 2006 года, когда о ходе расследования их информируют лишь от случая к случаю, весьма сомнительно, чтобы упоминаемое Правительством средство правовой защиты имело какие-то шансы на успех. Кроме того, Правительство не продемонстрировало, что данное средство правовой защиты могло бы обеспечить восстановление справедливости в ситуации заявителей – иными словами, что оно исправило бы недостатки следствия и привело бы к установлению и наказанию лиц, виновных в смерти родственников заявителей. Поэтому Суд считает, что в обстоятельствах данного дела не было установлено с достаточной степенью достоверности, что предлагаемое Правительством средство правовой защиты было бы эффективно в том значении, в каком это предусмотрено Конвенцией. Суд считает, что заявители не были обязаны прибегать к этому средству и что в данной части предварительные возражения Правительства следует отклонить.

87. В свете вышесказанного и в связи с указанными выше заключениями относительно замечаний Правительства, Суд приходит к выводу, что власти не провели тщательного и эффективного расследования обстоятельств исчезновения Исы Заурбекова. Поэтому Суд постановляет, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в ее процессуальной части.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

88. Заявители также жаловались, что Иса Заурбеков подвергался пыткам и бесчеловечному обращению в ходе задержания. Они также заявили, что у них есть серьезные основания полагать, что он подвергся жестокому обращению, находясь в руках властей. Заявители также указали, что они пережили тяжелые душевные страдания в связи с исчезновением их родственника, а также в связи с неспособностью государства провести тщательное расследование в этом отношении. Они сослались на статью 3 Конвенции, которая гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию". "

А. Предполагаемое жестокое обращение с родственником заявителей

89. Заявители настаивали, что есть серьезные основания полагать, что Иса Заурбеков подвергся дурному обращению после того, как он был задержан. Они ссылались на жалобы, поданные в Суд другими лицами, утверждающими, что они являются жертвами схожих нарушений, а также на документы правозащитных неправительственных организаций и Совета Европы, содержащих сведения о многочисленных случаях, когда лица, задержанные в Чечне, впоследствии были найдены мертвыми либо возвращались из заключения со следами пыток или дурного обращения. Заявители далее заявляли, что по этому вопросу не было проведено расследования местными органами.

90. Правительство утверждало, что нет доказательств, позволяющих утверждать, что родственник заявителей был подвергнут обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции.

91. Суд повторяет, что обвинения в дурном обращении должны подтверждаться надлежащими доказательствами. При оценке таких доказательств Суд применяет стандарт доказывания «вне разумного сомнения», однако добавляет, что такие доказательства могут вытекать из сосуществования достаточно обоснованных, четких и взаимно подтверждающих умозаключений или аналогичных неопровержимых презумпций факта (см. *Ireland v. the United Kingdom*, цит. выше, pp. 64-65, § 161 *in fine*).

92. Суд сделал вывод, что Ису Заурбекова следует считать умершим после его безвестного задержания агентами Государства (см. пункты 72, 74 и 75 выше). Тем не менее, в отсутствие какой-либо соответствующей информации или подтверждений, Суд не может сделать вывод с необходимой степенью доказанности, о якобы имевшем место жестоком обращении либо о том, как он погиб, и считает, что данная жалоба должна быть отклонена.

93. Суд не может сделать вывод о том, что имело место нарушение Статьи 3 по этому основанию.

В. Жалобы на душевные страдания заявителей

94. Заявители жаловались, что они подверглись серьезным моральным страданиям, которые находятся в пределах действия статьи 3 Конвенции, ввиду безразличного отношения государства к исчезновению их родственника и его продолжающейся неспособности проинформировать их о ходе расследования.

95. В замечаниях Правительства утверждалось, что следствие не получило доказательств, позволяющих утверждать, что заявители

были подвергнуты обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции. Правительство также заявило, что «из материалов уголовного дела нельзя сделать вывод о степени пережитых заявителями страданий» и, значит, не было нарушения Статьи 3 отношении заявителей.

96. Суд повторяет, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особый аспект и характер, отличные от эмоционального стресса, который можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Имеют значение такие элементы, как близость родственных связей, конкретные обстоятельства семейных отношений, то, в какой степени член семьи был свидетелем случившегося, активное участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и то, как реагировали власти на запросы информации об исчезнувшем лице. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте "исчезновения" члена семьи, но в большей степени в том, какова реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что является непосредственной жертвой действий властей (см. *Orhan v. Turkey*, цит. выше, § 358 и *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 164, ECHR 2006-... (выдержки)).

97. Суд замечает, что в настоящем деле исчезнувший являлся сыном первой заявительницы и братом второй заявительницы. Вторая заявительница была очевидцем его задержания. Около пяти лет они не имеют никаких известий о своем близком родственнике. Эмоциональные переживания заявителей в этот период вызваны их многочисленными попытками призвать власти к действиям и их собственными попытками найти члена своей семьи. Суд далее ссылается на установленные выше недостатки в проведении расследования. В частности, он принимает во внимание промедление с признанием заявителей потерпевшими и вытекающее из этого отсутствие доступа к материалам уголовного дела и информации о ходе следствия как составляющих элементах, которые причиняли душевные страдания заявителям. Это означает, что безвестность заявителей относительно судьбы их близкого родственника усугублялась тем, что они не владели возможной информацией о ходе расследования.

98. Суд считает, что заявители испытывали и продолжают испытывать эмоциональный стресс и моральные страдания в результате исчезновения их родственника и неспособности получить у следственных органов информацию о произошедшем. То, каким

образом власти реагируют на их жалобы, следует считать равносильным бесчеловечному обращению, нарушающему Статью 3.

99. В свете вышеизложенного Суд считает, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении заявителей.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

100. Заявители далее указали, что положения Статьи 5 в целом были нарушены в отношении незаконного задержания Исы Заурбекова и гарантий против произвола. Статья 5 Конвенции гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

101. Заявители повторили свой аргумент, что задержание Исы Заурбекова не удовлетворяет ни одному из условий, предусмотренных в статье 5 Конвенции, так как оно не имело оснований по национальному праву, и было осуществлено в нарушение установленной законом процедурой и не было формально зарегистрировано.

102. Правительство утверждало, что следствием не получены доказательства того, что Иса Заурбеков был лишен свободы в нарушение статьи 5 Конвенции.

103. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в

демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также суд отмечал, что безвестное задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5. Для уменьшения риска произвольного задержания, Статья 5 предусматривает ряд материальных прав, направленных на обеспечение того, чтобы действия по лишению свободы были открытыми для независимой судебной проверки, и обеспечение ответственности властей за применение данной меры. Непризнанное задержание индивида представляет собой полное отрицание данных гарантий и является наиболее тяжким нарушением Статьи 5 (см. среди прочего *Çakici v. Turkey*, цит. выше, § 104).

104. Суд считает установленным, что Иса Заурбеков был задержан агентами Государства 11 февраля 2002 года и отсутствуют с тех пор. Его задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо записях о содержащихся под стражей лицах, а официальных сведений об их дальнейшем местонахождении и судьбе не имеется. В соответствии с практикой Суда, сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan*, цит. выше, § 371).

105. Суд также считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителей на то, что их родственника задержали и куда-то увели при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако приведенные выше рассуждения и выводы Суда в связи со Статьей 2, в частности, касающиеся характера ведения следствия, не оставляют сомнений в том, что власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по защите Исы Заурбекова от риска исчезновения.

106. Следовательно, Суд считает, что Иса Заурбеков подвергся безвестному задержанию и был лишен гарантий, предусмотренных Статьей 5. Это является чрезвычайно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ И СТАТЬЮ 1 ПРОТОКОЛА №1 КОНВЕНЦИИ

107. Вторая заявительница жаловалась, что 11 февраля 2003 года российскими военными был проведен незаконный обыск в квартире, где проживали она и ее брат, и таким образом было нарушено ее и Исы

Заурбекова право в отношении ее жилища, частной и семейной жизни, гарантированное Статьей 8 Конвенции. Вторая заявительница также жаловалась, что в ходе обыска было изъято имущество, принадлежащее ей и ее брату, что является нарушением Статьи 1 Протокола №1. Эти Статьи в соответствующих частях гласят:

Статья 8

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.»

Статья 1 Протокола №1

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права Государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

108. Вторая заявительница повторила свои жалобы по Статье 8 Конвенции и Статье 1 Протокола №1 Конвенции.

109. Правительство отрицало ответственность Государства за предполагаемые нарушения Статьи 8 и Статьи 1 Протокола №1 Конвенции. Оно утверждало, что представители Государства никогда не проводили «обыск вне предписанной законом процедуры» в квартире, где проживали вторая заявительница и ее брат; оно заявило, что, по всей видимости, «действия неустановленных лиц, [которые увели Ису Заурбекова и забрали имущество заявителей] должны быть квалифицированы как хищение» и что возбуждено уголовное расследование по данному факту.

110. Суд считает, что мужчины, задержавшие Ису Заурбекова 11 февраля 2003 года, были агентами Государства. Он замечает, что хотя Правительство отрицало свою причастность к заявленным нарушениям прав второй заявительницы по Статье 8 и Статье 1 Протокола №1, оно признало, что мужчины, похитившие Ису Заурбекова, ворвались в квартиру второй заявительницы и ее брата, похитили компьютер, компакт диски и семейный фотоальбом.

Правительство не поднимало вопрос о праве собственности второй заявительницы и ее брата. Суд, таким образом, признает, что действия вышеупомянутых лиц представляли собой вмешательство в право второй заявительницы и ее брата на неприкосновенность жилища в нарушение Статьи 8 Конвенции и их право собственности по Статье 1 Протокола №1. Суд также отмечает отсутствие какой-либо правомерности в действиях представителей Государства в этой связи. Следовательно, он находит, что право второй заявительницы и ее брата в отношении их жилища по Статье 8 Конвенции и их право собственности по Статье 1 Протокола №1.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

111. Заявители жаловались, что были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений Статей 2, 3, 5 и 8 Конвенции и Статьи 1 Протокола №1, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

112. Заявители ссылались на статью 13 Конвенции, заявляя, что в их деле обычно доступные национальные средства правовой защиты показали себя неэффективными, учитывая, что расследование продолжается в течение нескольких лет без какого-либо результата, им никогда не предоставлялся доступ к материалам расследования, а все их обращения к органам власти оставались без ответа либо приводили к отсылке лишь стандартных отписок.

113. Правительство возразило, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали праву заявителей воспользоваться такими средствами. Оно также заявило, что родственники пропавшего лица были признаны потерпевшими и получили мотивированные ответы на все свои ходатайства, сделанные в ходе расследования. Оно сослалось на Уголовный Кодекс РФ, дающий участникам уголовного процесса право обжаловать действия следственных органов в суде, если заявители считали, что какие-либо действия или бездействия властей причиняли им ущерб: они могли требовать компенсацию этого ущерба в суде в соответствии с положения Гражданского Кодекса РФ. В подтверждение этого довода, Правительство сослалось на постановления Урус-Мартановского городского суда от 6 августа 2004 года, согласно которому прокуратуре Урус-Мартана было поручено возобновить расследование исчезновения сына заявителя; на постановление Шалинского

городского суда от 13 марта 2003 года, согласно которому была присуждена компенсация за моральный вред, причиненный сотрудниками федеральных сил, и на постановление Верховного Суда Карачаево-Черкесии от 19 октября 2004 года, согласно которому истцу была присуждена компенсация морального вреда за незаконные действия сотрудников прокуратуры. Правительство не представило копии этих постановлений.

114. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Таким образом, Статья 13 требует, чтобы имелось правовое средство, позволяющее принять решение по существу "потенциально достоверной" жалобы на нарушение Конвенции и предложить соответствующее возмещение, хотя государствам дана некоторая свобода усмотрения относительно способа выполнения их обязательств в рамках данного положения Конвенции. Объем обязательств по статье 13 может быть различным в зависимости от характера жалобы заявителя на нарушение Конвенции. Вместе с тем правовое средство, требуемое статьей 13, должно быть юридически и практически «эффективным» в том смысле, что возможность его использования не может быть неоправданно затруднена действиями или бездействием органов власти государства-ответчика (цитируемое выше постановление по делу *Aksoy*, § 95).

115. Учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, также проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и наказанию ответственных за лишение жизни и за противоречащее Статье 3 обращение, что, в частности, предполагает фактический доступ истца к процессуальным действиям, направленным на установление личности и наказание виновных (см. *Anguelova v. Bulgaria*, по. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV, и *Suheyly Aydın v. Turkey*, по. 25660/94, § 208, 24 мая 2005). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся к обязанности Государства согласно Статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Orhan v. Turkey*, цит. выше, § 384).

116. В свете вышеуказанных выводов Суда в отношении Статьи 2, данная жалоба, очевидно, является «доказанной» в целях Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, постановление от 27 апреля 1988, Серия А по. 131, § 52). Заявители должны были соответствующим образом воспользоваться эффективными и целесообразными средствами правовой защиты, способными привести

к установлению и наказанию виновных, а также к присуждению компенсации в целях Статьи 13.

117. Из этого следует, что при обстоятельствах, когда, как в данном случае, уголовное расследование смерти было неэффективным (см. п. 76 выше) и когда в связи с этим была подорвана эффективность любого другого имеющегося средства правовой защиты, включая гражданский иск, Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции (см. среди прочего *Musayeva and Others v. Russia*, по. 74239/01, § 118, 26 июля 2007, или *Kukayev v. Russia*, по. 29361/02, § 117, 15 ноября 2007). Суд, таким образом, отклоняет довод Правительства о наличии эффективных мер уголовного и гражданского права и находит установленным, что имеет место нарушение Статьи 13 в сочетании со статьей 2 Конвенции.

118. Что касается ссылок заявителей на нарушение Статьи 3 Конвенции, относительно жестокого обращения к Исе Заурбекову во время задержания властями, Суд отмечает, что указанная жалоба была признана недоказанной. В отсутствие признанного нарушения материальной части Конвенции, Суд находит, что не имеет место нарушение Статьи 13 в этом отношении также.

119. Что касается ссылок заявителей на нарушение Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции в части душевных страданий заявителей, Судом было установлено, что первые три заявителя испытывали и продолжают испытывать моральные страдания среди прочего и по причине неспособности властей провести соответствующее расследование исчезновения их родственника. Однако Суд уже признал нарушение Статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 2 Конвенции в части отсутствия надежных средств правовой защиты в ситуации, подобной той, в которой оказались заявители, когда следствие было неэффективным. Принимая во внимание вышесказанное, Суд считает, что жалоба заявителей по Статье 13 в связи со Статьей 3 относится к нарушениям Статьи 13 в связи со Статьей 2 Конвенции. Из этого следует, что нет необходимости отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции.

120. Что касается утверждений заявителей о нарушении Статьи 5 Конвенции, Суд ссылается к его решению относительно нарушения этого положения, изложенному выше. В свете этого Суд считает, что никаких дополнительных вопросов не возникает относительно Статьи 13, рассматриваемой в совокупности со Статьей 5 Конвенции, которая сама содержит процессуальные гарантии, связанные с законностью задержания.

121. И, наконец, что относительно жалобы второй заявительницы по Статье 8 и по Статье 1 Протокола №1, Суд заключает, что в ситуации, когда власти отрицали свою причастность к заявленному

вторжению в квартиру второй заявительницы и к хищению ее имущества, когда следственные органы не сделали существенных сведений по данному делу, и заявительница не имела эффективных средств защиты в отношении заявленных нарушений ее прав по Статье 8 Конвенции и Статье 1 Протокола №1. Следовательно, имеет место нарушение в данном случае.

VII ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 38 § 1 (a) КОНВЕНЦИИ

122. Заявители утверждали, что отказ Правительства раскрыть материалы уголовного дела №20123 представляет собой неисполнением им своих обязательств по Статье 38§1(a) Конвенции, соответствующие части которой устанавливают:

«1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные Государства создают все необходимые условия;

...»

123. Заявители предложили Суду сделать вывод о том, что Правительство не исполнило свои обязательства по статье 38 § 1 (a) Конвенции, отказавшись предоставить документы из материалов уголовного дела в ответ на специальные запросы Суда.

124. Правительство повторило, что предоставление материалов дела противоречило бы статье 161 Уголовно-процессуального кодекса. Оно также указало, что предлагало делегации Суда ознакомиться с материалами уголовного дела на месте ведения предварительного расследования. Оно также заявило, что принимает во внимание возможность, предоставляемую Правил 33 Правил Суда об обеспечении конфиденциальности представленных материалов, но заметило, что Суд не может гарантировать, что раскрытые заявителям или их представителям материалы не станут публичными. По мнению Правительства, в отсутствие санкций в отношении заявителей за раскрытие секретной информации или материалов нет гарантий исполнения ими требований Конвенции и Регламента Суда. Оно также

125. Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб в соответствии со Статьей 34 Конвенции крайне важно, чтобы Государства обеспечили все необходимые материалы для проведения тщательного и эффективного рассмотрения жалоб (см. цитируемое выше постановление по делу *Tanrikulu*, [GC], no. 23763/94, § 70, ECHR 1999-IV). В исполнение

данного обязательства Государства должны предоставлять Суду все необходимые материалы, проводит ли Суд расследование по выяснению фактов или выполняет свои обязанности общего характера по рассмотрению жалоб. Когда Правительство, располагая такой информацией, не предоставляет ее без удовлетворительного объяснения, это может не только привести к выводу о том, что жалобы заявителя обоснованы, но и негативно отразиться на степени соблюдения Государством-ответчиком его обязательств по Статье 38 § 1 (а) Конвенции (см. *Timurtaş v. Turkey*, по. 23531/94, § 66, ECHR 2000-VI). В деле, в котором заявители поднимают вопрос об эффективности расследования, материалы уголовного дела крайне существенны для установления фактов и их отсутствие может препятствовать надлежащему изучению Судом, как на стадии приемлемости, так и при рассмотрении дела по существу (см. *Tanrikulu*, цит. выше, § 70).

126. Суд отмечает, что он несколько раз запрашивал у Правительства предоставить копии материалов уголовного дела, возбужденного по факту исчезновения родственника заявителей. Данные, содержащиеся в этих материалах, расценивались Судом как существенные для установления фактов настоящего дела. Суд специально просил Правительство представить копию протокола допроса г-на Ш., о котором упоминала первая заявительница (см. пункт 52 выше), или показания других очевидцев событий 11 февраля 2003 года. В ответ Правительство подало только копию отчета с перечислением проведенных следственных мероприятий без представления каких-либо подробностей этих действий (см. пункт 56 выше). Ссылаясь на статью 161 УПК РФ, Правительство отказалось предоставить какие-либо материалы уголовного дела. Суд в данном случае приводит в недоумение аргумент Правительства о том, что оно представило документы, раскрытие которых не противоречит национальному законодательству и интересам Государства, а также участников уголовного процесса.

127. Суд отмечает, что Правительство не просило о применении Правила 33 § 2 Регламента Суда, разрешающего ограничение принципа публичности в отношении подаваемых в Суд документов по законным основаниям, таким, как защита национальной безопасности и частной жизни сторон, а также интересы правосудия. Далее Суд отмечает, что положения Статьи 161 УПК, на которые ссылается Правительство, не запрещают предоставление кому-либо документов по делу до окончания следствия, но устанавливают порядок и ограничения такого раскрытия информации. Правительство не объяснило, каким образом представление запрошенных материалов повлияет на интересы следствия ли вовлеченных лиц (см. *Mikheyev v. Russia*, по. 77617/01, § 104, от 26 января 2006 года). Суд также

указывает на некоторые рассматриваемые Судом сходные жалобы, где в ответ на аналогичные запросы Правительство РФ представило документы из материалов дела без ссылок на Статью 161 УПК (см., например, *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, № 57942/00 и 57945/00, § 46, 24 февраля 2005, или *Magomadov and Magomadov v. Russia*, № 68004/01, §§ 36 и 82, 12 июля 2007), или согласилось предоставить материалы уголовного дела, даже если изначально ссылалось на статью 161 (см. *Khatsiyeva and Others*, цит. выше, §§ 62-63).). По этим причинам Суд считает объяснения Правительства относительно предоставления материалов дела недостаточными для обоснования отказа раскрыть ключевую информацию, запрашиваемую Судом.

128. Ссылаясь на важность оказания Правительством-ответчиком содействия в ходе осуществления конвенционного судопроизводства и имея в виду сложности, связанные с установлением фактов по делам такого рода, Суд считает, что Правительство не выполнило свои обязательства по Статье 38 § 1 (а) Конвенции, не предоставив копии документов, запрошенных в связи исчезновением родственника заявителей.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

129. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Возмещение ущерба

1. Возмещение материального ущерба

130. Первая заявительница, мать Исы Заурбекова, потребовала компенсацию в размере 323 тысяч 829 рублей 20 копеек (приблизительно - 9,000 евро) в качестве возмещения ущерба за потерю заработков ее сына с момента его исчезновения. Она указала, что он работал автомехаником, и что она могла бы рассчитывать на 30% его ежемесячных заработков. Первая заявительница указала, что не могла представить никакой документ относительно зарплаты Исы Заурбекова в настоящее время, но его доход должен быть приравнен к среднему заработку лица той же квалификации, но не может быть ниже прожиточного минимума, установленного федеральным законодательством. Первая заявительница представила расчеты, которые основывались на таблицах, разработанных для исчисления компенсации при несчастных случаях и случаях нанесения личного

оскорбления Страховым Департаментом Правительства Великобритании в 2004 году (“Ogden tables”), ссылаясь на отсутствие равноценного метода калькуляции в России.

131. Правительство заявило, что данное требование первой заявительницы является основанным на предположениях.

132. Суд указывает, что должна существовать ясная причинно-следственная связь между ущербом, компенсации которого требует заявитель и который в соответствующих делах может включать компенсацию за потерю заработка, и нарушением Конвенции (см., среди других прецедентов, *Çakıcı v. Turkey* [GC], № 23657/94, § 127, ECHR 1999-IV). Суд считает, что здесь, в самом деле, существует прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении родственника заявителей и потерей заявителями финансовой поддержки, которую он мог бы им оказывать. Принимая во внимание данные выводы, Суд полагает, что есть прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении Исы Заурбекова и потерей первой заявительницей финансовой поддержки, которую он мог ей обеспечить. Принимая во внимание доводы заявителей, Суд присуждает первой заявительнице 9000 евро в качестве компенсации материального ущерба плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

2. Возмещение морального ущерба

133. Первая заявительница запросила 60000 евро и вторая заявительница запросила 30000 в качестве компенсации морального ущерба за испытанные страдания и стресс из-за исчезновения своего родственника.

134. Правительство посчитало требования заявителей завышенными.

135. Суд признал нарушение Статей 2, 3, 5, 8 и 13 Конвенции и Статьи 1 Протокола 1 Конвенции в отношении не признаваемого властями задержания и исчезновения родственника заявителей, душевного страдания самих заявителей, по причине нарушения права на неприкосновенность жилища и права на собственность, из-за отсутствия эффективных внутригосударственных средств защиты от подобных нарушений. Более того, Суд установил, что Правительство не выполнило обязательств по Статье 38 § 1 (а) Конвенции, не предоставив копии документов, запрошенных Судом. Заявители пережили душевные страдания и стресс в этих обстоятельствах, которые не могут быть компенсированы одним лишь фактом признания нарушений прав. Суд присуждает 35 000 евро заявителям совместно плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы.

В. Издержки и расходы

136. Заявителей в Суде представляли юристы организации SRJI. Они предоставили список понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, поданных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов SRJI и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Общая сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела составила 10 064,36 евро, в том числе 8325 евро за 60,36 часа, затраченных сотрудниками SRJI на подготовку и написание материалов по жалобе, 1100,54 евро расходов за переводы, 57,07 евро за услуги курьерской почтовой службы при отправке документов в Суд и административные расходы в размере 582,75 евро (7% от указанной суммы по работе юристов).

137. Правительство оспорило требуемые суммы и указало, что заявители должны взыскивать возмещение только тех издержек и расходов, которые были реально понесены и были разумны. Оно также утверждало, что требования заявителей о выплатах были подписаны двумя юристами SRJI, имена которых не упоминаются в доверенностях.

138. Суд отмечает, что заявители дали SRJI доверенности на предоставление их интересов. Это означает, что юристы, указанные в требованиях о компенсации, были сотрудниками SRJI. Следовательно, это возражение должно быть отклонено.

139. Суду, во-первых, необходимо установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявителем, и, во-вторых, являлись ли они необходимыми и разумными (см. *Iatridis v. Greece* (справедливая компенсация) [GC], no. 31107/96, § 54, ECHR 2000-XI). Суд далее отмечает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. Однако, после того как первоначальная жалоба была завершена, в деле фигурировало немного подтверждающих документов, и поэтому Суд сомневается в том, что на более поздних стадиях на исследовательскую работу и подготовку материалов было необходимо так много времени, как утверждают представители.

140. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость оснований, Суд присуждает им 8000 евро за вычетом 850 евро, полученных в качестве правовой помощи от Совета Европы, плюс налоги и сборы, если они начисляются на данную сумму, которые подлежат уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов

141. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительное возражение Правительства;
2. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении исчезновения Исы Заурбекова;
3. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения властями адекватного и эффективного расследования обстоятельств исчезновения Исы Заурбекова;
4. *Постановляет*, что не было нарушения статьи 3 Конвенции в отношении заявленного жестокого обращения к Исе Заурбекову;
5. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении душевных страданий, испытанных заявителями из-за исчезновения их родственника и непроведения эффективного расследования этого факта;
6. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении Исы Заурбекова;
7. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 8 Конвенции и Статьи 1 Протокола №1 Конвенции в отношении второй заявительницы и Исы Заурбекова;
8. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части заявленных нарушений Статьи 2 Конвенции;
9. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статей 3 Конвенции в отношении душевных страданий заявителей и в части нарушений Статьи 5 Конвенции;
10. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статей 3 в отношении испытанных душевных страданий заявителей и в связи с заявленным нарушением Статьи 5 Конвенции;
11. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в связи с нарушениями по Статье 8 Конвенции и Статье 1 Протокола №1 Конвенции в отношении второй заявительницы;

12. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 38 § 1 (а) Конвенции в части отказа Правительства представить запрошенные Судом документы¹;
13. *Постановляет*
- (а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить заявителям следующие суммы которые за вычетом суммы, подлежащий уплате на счет банка в Нидерландах, должны быть конвертированы в российские рубли по курсу на день оплаты:
- (1) 9 000 евро (девять тысяч евро) первой заявительнице в качестве компенсации материального ущерба;
- (2) 35 000 евро (тридцать пять тысяч евро) заявителям совместно в качестве компенсации морального вреда;
- (3) 7 150 евро (семь тысяч сто пятьдесят евро), в счет возмещения издержек и расходов; подлежащие уплате на счет банка в Нидерландах, указанный представителями заявителей;
- (4) плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы;
- (b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;
14. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы заявительницы о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 22 января 2009 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен (Секретарь), Кристос Розакис (Президент)

¹ Изменено 12 марта 2009 г.: добавлен пункт 12.